

Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения¹

Ениколопов С. Н.*,

кандидат психологических наук, руководи-
тель отдела клинической психологии
Научного центра психического здоровья
Российской академии медицинских наук

Цибульский Н. П.**,

аспирант Государственного университе-
та гуманитарных наук

В статье представлены результаты изучения характера связи между отношением людей к социально приемлемым формам насилия, враждебными установками и реальным агрессивным поведением, полученные на материале исследования 339 законопослушных граждан и 92 делинквентов. Дан психометрический анализ методики «ЛА-44», разработанной для диагностики отношения субъекта к социально приемлемым формам насилия.

Ключевые слова: агрессия, девиантное поведение, диагностика агрессивного поведения, легитимизация насилия.

Актуальность проблемы роста девиантных форм насилия и агрессии в современном обществе не вызывает сомнения. Все больше и больше ученых, не отрицая полипричинности, делают акцент на первоочередной необходимости изучения социально-политического контекста данной проблемы [2, 7, 8, 9, 14].

Агрессия и насилие представляют собой обыденные формы поведения, которые приобретают оценочную характеристику в определенном социальном контексте. Общественные усилия всегда были направлены на минимизацию тех форм агрессии, которым в конкретном культурно-

историческом контексте приписывались намеренные нарушения конвенциональных норм общества. При этом в обществе всегда существовали санкционированные и поощряемые формы насилия, которые оставались долгое время без внимания исследователей девиантного поведения. Немногочисленные исследования, проведенные во второй половине XX в., показали, что с расширением диапазона легитимного насилия в обществе наблюдается рост агрессивных форм поведения, выходящих за пределы социальной нормы.

В антропологии прослеживается связь традиционно легитимной агрессии в древ-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ 06-06-00638а).

* c_nikolay@yahoo.com

** c_nikolay@yahoo.com

них обществах и девиантным поведением отдельных его членов. P. R. Sandey рассматривает ритуалы (например, инициация) в качестве источника нейтрализации запретов на девиантное агрессивное поведение [12].

Социолог R. D. Gastil в 70-х гг. XX в. обратил внимание ученого сообщества на роль культурных факторов, обуславливающих высокий коэффициент убийств на юге США. Причину этого феномена он видел в особенностях южной культуры насилия, которое «наследуется» каждым, кто родился и вырос на юге США, вплоть до подросткового возраста (приводится по [7]). Опираясь на это утверждение, Baron и Straus рассматривали южную культуру США как частный случай культуры, которая отличается широким диапазоном легитимной агрессии [там же]. Для доказательств выдвинутой гипотезы авторы оценили статистическую связь между числом насильственных преступлений и разработанным ими индексом легитимной агрессии. Индекс легитимной агрессии (LVX) определяется по сумме трех переменных:

1) коэффициента легитимной агрессии в СМИ (рейтинг читаемости журналов и просмотра телевизионных программ с агрессивной тематикой);

2) коэффициента легитимной агрессии в политической сфере (отсутствие правовых запретов на телесные наказания в школах, упрощение процедуры получения оружия и т. д.);

3) коэффициента легитимной агрессии в гражданском обществе (количество востребованных в обществе лицензий на охоту, разрешений на оружие, численность лиц, вступивших в Национальную гвардию, и т. д.).

В исследовании, проведенном в 50 штатах Америки, эти ученые показали, что высокий уровень легитимной агрессии в конкретном обществе достоверно связан с числом насильственных преступлений, в первую очередь убийств и изнасилований [там же]. Авторы пришли к выводу, что в

культуре существуют ценности и нормы, косвенно способствующие использованию человеком таких форм поведения, как агрессия и насилие. Легитимные формы насилия могут быть «культурным излишком», повышающим вероятность противозаконной агрессии отдельных членов данного общества. Работая в русле теории социального контроля (Ross E., Parsons T.), Baron & Straus предлагают путь решения проблемы высокого уровня насильственных преступлений через минимизацию диапазона легитимной агрессии и усиления над ней социального контроля [там же].

Известный специалист по проблемам конфликтов, войн и насилия Й. Галтунг говорит о существовании культурного насилия, которое используется для оправдания прямого и структурного насилия (приводится по [2]).

В зарубежной психологии взаимосвязь легитимного насилия и девиантного агрессивного поведения изучается в русле социально-когнитивного направления (Bandura, Eron, Huesmann, Dodge, Coie, Slaby, Guerra, Bushman, Hogben, et al.). Анализ данной взаимосвязи проводится в двух направлениях:

1) исследуются функции легитимного насилия, которые способствуют росту девиантной агрессии;

2) изучаются психологические особенности, повышающие вероятность принятия и оправдания легитимной агрессии, а также легитимизации субъектом агрессивного поведения в реальном опыте.

В нашей стране об актуальности исследования данной взаимосвязи пишут П. Н. Шихирев, С. Н. Ениколопов, Т. В. Шипунова [2, 6].

В связи с проблемой роста девиантной агрессии и насилия исследователи выделяют несколько функций легитимной агрессии.

Во-первых, приобретаемое субъектом в процессе социализации знание о существовании легитимных форм агрессии может способствовать актуализации потребности

* Здесь и далее в тексте употребляемое понятие «субъект» распространяется как на индивида, так и на группу.

именно в агрессивных формах поведения, если последние будут эффективны для достижения поставленных целей и удовлетворения различных потребностей [12].

Во-вторых, легитимная агрессия является источником научения конкретным формам агрессивного поведения и программам их реализации. Данная функция подробно проанализирована на примере легитимного насилия, существующего в сфере семейного воспитания и в СМИ [8, 9, 11].

В-третьих, легитимная в общественных сферах агрессия является источником для легитимизации субъектом агрессивно-насильственных поступков в собственном опыте [8, 12, 13, 14]. Понятие «легитимизация» является производным от понятия «легитимность», которое было введено немецким ученым М. Вебером [1]. Опираясь на его работы, под легитимизацией агрессии мы понимаем процесс обоснования приемлемости и оправданности различных форм агрессивного поведения путем атрибуции общественно одобряемого (легитимного) статуса. Иллюстрацией могут служить агрессивные и насильственные действия солдата на войне, которым он придает легитимный статус согласно профессиональным нормам («я исполняю приказ») и гражданскому долгу («я защищаю родину»).

На сегодняшний день известны следующие механизмы легитимизации агрессии [2, 14]:

1) отрицание ответственности (субъект считает себя жертвой обстоятельств);

2) отрицание или приуменьшение ущерба (субъект полагает, что никто существенно не страдает от совершенных им агрессивных действий);

3) отрицание или экскатегоризирование жертвы (жертва агрессивных действий выводится за пределы категории «человек»), более мягкий вариант – дегуманизация (нападение на гомосексуалиста оправдано тем, что он недочеловек и заслуживает такого обращения);

4) осуждение осуждающих (людям, обвиняющим субъекта в девиантной агрессии, приписывается лицемерие или враждебные намерения и др.);

5) нейтрализация девиантной оценки агрессивного поведения ссылкой на более высокие ценности (действия солдата на войне).

Другое направление исследований влияния легитимной агрессии на рост девиантных форм агрессивного поведения посвящено изучению индивидуальных различий в склонности к легитимизации агрессии в общественных сферах и личном опыте. Актуальность этого направления обусловлена положительной статистически значимой связью, которая была обнаружена между индивидуальной склонностью к легитимизации агрессии в общественных сферах и реальным агрессивно-насильственным поведением.

В проведенном лонгитюдном исследовании, длившемся 22 года и охватившем 4 страны (США, Израиль, Австралия, Польша), коллектив американских психологов доказал, что высокий уровень пристрастия к просмотру телевизионных программ и фильмов с агрессивной тематикой, обнаруженный у мальчиков и девочек в возрасте 8 лет, стал прогностическим индикатором будущей склонности к делинквентному агрессивно-насильственному поведению в возрасте 30 лет [9, 11].

Slaby и Guerra показали, что преступники, совершившие насильственные преступления, в отличие от законопослушных граждан, убеждены, что агрессивное поведение является легитимным ответом в различных жизненных ситуациях [13].

Анализируя работы Baron&Straus, коллектив американских психологов под руководством М. Hogben разработал опросник «PLAQ» (The Proclivity for Legitimized Aggression Questionnaire) для диагностики уровня легитимизируемой агрессии в определенных сферах общественной жизни: в политической сфере, в СМИ, в личном опыте, а также интегральный коэффициент [12]. Используя данную методику, исследователи обнаружили достоверную связь между интегральным показателем легитимизируемой агрессии и числом агрессивных актов сексуально-принудительного характера [там же]. Данная связь бы-

ла характерна для мужчин, принуждавших физической силой, и женщин, использовавших положение власти. Мужчины, легитимизирующие большой объем агрессии, отличались полоролевым стереотипом гипермужественности, авторитарными установками и склонностью к различным формам агрессивных реакций. Результаты исследования женщин с высоким и низким уровнем легитимизации агрессии не обнаружили специфики по изучаемым психологическим особенностям [там же].

В нашей стране эмпирическое изучение взаимосвязи легитимной агрессии, точнее, субъективного отношения к ней, и склонности к агрессивным формам поведения впервые осуществляется коллективом психологов под руководством С. Н. Ениколопова [2, 5]. Изучение данной связи началось с разработки исследовательского инструмента. Опыт апробации опросника PLAQ не удовлетворил исследовательских ожиданий [5], но послужил основой для создания оригинального русскоязычного опросника диагностики легитимизированной агрессии – «ЛА-44».

Первоначальная версия опросника «ЛА-44» включала 74 утверждения и 6 шкал, описывающих социальные сферы, где исследовался уровень легитимизируемой агрессии: политическая сфера, СМИ, личный опыт, воспитание, спорт, традиции. Утверждения оценивались по 7-балльной шкале лайкерт-типа от 1 – «абсолютно не согласен с утверждением» до 7 «абсолютно согласен с утверждением».

Психометрический анализ опросника был проведен на выборке испытуемых численностью 339 человек в возрасте 17–29 лет, в числе которых было 150 женщин и 189 мужчин. Испытуемыми были сотрудники государственных и коммерческих организаций, а также студенты, обучавшиеся гуманитарным и техническим специальностям. Для анализа валидности опросника была исследована группа мужчин-преступников, осужденных за насильственные преступления по статьям УК РФ: «убийство» (ст. 105, ч. 1, 2); «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» (ст. 111, ч.1, 2, 4); «раз-

бой» (ст. 162, ч.1, 2, 3); «изнасилование» (ст. 131, ч. 1; ст.134); «хулиганство» (ст. 213, ч. 2). Численность этой группы – 92 человека, возраст преступников 17–47 лет, из них 78 человек в возрасте 18–27 лет.

В работе использовалось следующее программное обеспечение: MS Excel 2003, SPSS 11.5, EQS 6.1.

Психометрический анализ включал в себя оценку пригодности пунктов опросника, тестирование факторной структуры, исследование валидности, ретестовой надежности, внутренней согласованности, проверки ортогональности факторов в структуре.

Оценка пригодности пунктов опросника осуществлялась в несколько этапов: подсчет доли ключевых ответов для каждого утверждения; оценка корреляций между пунктами опросника с использованием коэффициента корреляции r Пирсона; оценка уровня факторной нагрузки и коэффициента избирательности.

Ключевыми ответами мы считали оценки «6» и «7» для прямых вопросов и «1», «2» для обратных вопросов. Доля ключевых ответов для каждого утверждения подсчитывалась в процентном соотношении числа ключевых ответов к общему числу ответов. В результате были устранены 8 утверждений, так как доля ключевых ответов для них не попала в диапазон от 20 % до 80 %.

Далее был проведен корреляционный анализ между пунктами опросника. Обнаружены шесть корреляций, где значение $r > |0,6|$. В каждой из этих высоких корреляций не было утверждений, которые повторялись два и более раз. Выбор шести утверждений, требующих удаления, осуществлялся на основании результатов тестирования факторной структуры.

Опираясь на опыт зарубежных коллег (Hogben M. et al., [12]), следовало понимать, что конструированные факторы не могут быть ортогональными. В связи с этим с использованием конфирматорного факторного анализа методом «maximum likelihood» были исследованы две факторные модели: шести коррелирующих меж-

ду собой факторов – 1-я модель; одного фактора (интегральная шкала) – 2-я модель.

Соответствие модели эмпирическим данным определялось на основании расчета трех показателей:

1) индекса сравнительной пригодности (CFI);

2) коэффициента критерия согласия (GFI);

3) среднеквадратической погрешности аппроксимации (RMSEA).

Согласно Hu & Bentler, если коэффициент «RMSEA» находится в пределах до 0,06, а индексы CFI, GFI в районе 0,9, можно утверждать, что тестируемая модель не противоречит эмпирическим данным, а значит, считается пригодной [10].

Первоначально была протестирована шестифакторная модель, образованная из матрицы ответов на 66 утверждений. Подсчитанные коэффициенты (RMSEA, GFI, CFI) свидетельствовали о неудовлетворительном соответствии модели эмпирическим данным. Для усовершенствования модели была использована функция «LMTEST» в программе EQS 6.1. В результате последовательной цепочки преобразований было решено отказаться от фактора «традиции» и остановиться на пятифакторной структуре. Кроме того, были устранены: утверждения с низкой факторной нагрузкой ($>0,3$); утверждения, которые входят со значимой факторной нагрузкой в несколько факторов; утверждения, попавшие в фактор, с которым они по смыслу недостаточно связаны (это определялось методом экспертной оценки). В итоге мы получили модель пяти коррелирующих факторов, состоящих из 44 утверждений. Согласно значениям $CFI=,87$, $GFI=,92$, $RMSEA = ,063$, данная модель не противоречит эмпирическим данным и ее можно считать пригодной.

Для каждого из 44 утверждений был подсчитан коэффициент избирательности. Его значения были в пределах критического интервала 0,3–0,7. Подсчет коэффициентов избирательности был последним этапом в оценке пригодности пунктов оп-

росника, поэтому можно утверждать, что оставшиеся 44 утверждения являются психометрически пригодными.

Дальнейшая проверка устойчивости модели из пяти коррелирующих факторов осуществлялась на результатах двух подвыборок, которые мы получили путем расщепления всей выборки испытуемых по половому признаку. Результаты проверки подтвердили устойчивость факторной структуры как в мужской группе ($CFI= ,89$, $GFI= ,92$, $RMSEA = ,058$), так и в женской ($CFI= ,86$, $GFI= ,90$, $RMSEA = ,065$).

Таким образом, была получена структура из пяти факторов:

1) легитимизация агрессии в личном опыте (пример: «Я предпочел бы коллекционировать марки, а не оружие»);

2) легитимизация агрессии в политической сфере («Я бы одобрил принятие закона, разрешающего свободную продажу оружия»);

3) легитимизация агрессии в спорте («Собачьи бои могли бы стать популярным видом спорта»);

4) легитимизация агрессии в СМИ («Необходимо запретить показ документальных съемок убийств по телевидению»);

5) легитимизация агрессии в сфере воспитания («Наиболее эффективный способ успокоить неугомонного ребенка – отшлепать его»).

На следующем этапе осуществлялась проверка модели одного фактора. Тестируя однофакторную модель из 44 утверждений, мы не получили удовлетворительных результатов, что сопровождалось модификацией состава вопросов, в том числе на основе функции LMTEST. В результате данной работы была получена однофакторная модель из 23 утверждений, признанная пригодной на основании соответствия эмпирическим данным ($CFI=,91$, $GFI=,90$, $RMSEA = ,057$).

В дальнейшей работе с опросником были использованы обе пригодные факторные модели: однофакторная модель позволяла диагностировать интегральный показатель легитимизируемой агрессии; пятифакторная структура способствовала из-

учению влияния легитимизируемой агрессии в конкретной общественной сфере.

Анализ конструктивной валидности опросника «ЛА-44», в точном ее понимании (по Клайн), не проводился. Предметом исследования стала взаимосвязь отношения к легитимной агрессии и реального агрессивного поведения. Кроме того, мы предполагали, что тенденция к субъективному оправданию широкого диапазона легитимных насильственных проявлений в обществе может быть связана с враждебным отношением к обществу. Для изучения взаимосвязи уровня легитимизируемой агрессии и склонности к агрессивному поведению были использованы два метода:

1) корреляционный анализ с факторами, диагностирующими агрессивные формы поведения (шкала «Физическая агрессия» опросника ВРАQ³[3]; шкала «реактивная агрессия» методики Но⁴[4], которая определяет склонность к косвенной и вербальной формам агрессии в качестве ответной реакции);

2) анализ значимых различий в мужских группах с зафиксированным опытом

агрессивно-насильственных делинквентных поступков и без них (по шкалам «ЛА-44»). Взаимосвязь с враждебностью определялась путем корреляционного анализа коэффициента легитимизируемой агрессии со шкалами «подозрительность» Но и «враждебность» ВРАQ.

В результате исследования обнаружена достоверная связь интегрального показателя легитимизированной агрессии с уровнем физической агрессии в поведении у мужчин и с косвенной и вербальной формами агрессии у женщин (табл. 1).

Высока вероятность физической агрессии со стороны мужчин и женщин, легитимизирующих большой объем агрессии в личном опыте и в спортивной сфере. На склонность к физической агрессии также оказывает влияние легитимизация агрессии в сфере воспитания у мужчин и в сфере СМИ у женщин.

Диагностировано достоверное различие между агрессивно-насильственными преступниками и законопослушными мужчинами по следующим шкалам опросника

Таблица 1

Корреляционная связь шкал опросника «ЛА-44» и факторов, диагностирующих агрессивные формы поведения и враждебность по методикам ВРАQ и Но

Шкалы «ЛА-44»	«Физическая агрессия» ВРАQ		«Реактивная агрессия» Но		«Враждебность» ВРАQ		«Настороженность» Но	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Интегральная шкала	412** (,001)	,155 (,120)	240 (,072)	322** (,001)	446** (,001)	279** (,004)	,243 (,074)	,036 (,724)
Политика	,215 (,109)	,063 (,533)	,218 (,103)	,105 (,300)	,189 (,162)	,050 (,620)	,164 (,232)	-,124 (,224)
Личный опыт	467** (,000)	332** (,001)	375** (,004)	411** (,000)	,218 (,106)	217* (,031)	,098 (,475)	,070 (,493)
Спорт	409** (,002)	227* (,023)	,177 (,193)	383** (,000)	,344** (,010)	289** (,004)	,172 (,213)	,178 (,080)
Воспитание	268* (,044)	,155 (,124)	,062 (,647)	295** (,003)	,328* (,013)	,179 (,075)	266* (,049)	263** (,008)
СМИ	,110 (,417)	288** (,003)	273* (,040)	306** (,002)	,138 (,312)	228* (,022)	,069 (,614)	,118 (,246)

³ Адаптированный С. Н. Ениколоповым и Н. П. Цибульским русскоязычный вариант опросника диагностики агрессии «ВРАQ» (Buss&Perry).

⁴ Адаптированный Л. Н. Собчик русскоязычный вариант шкалы враждебности «Но» (Cook&Medley).

«ЛА–44»: интегральной ($Z = 1,792^{**}; p = ,003$); спорт ($Z = 2,437^{**}; p = ,000$) и СМИ ($Z = 1,760^{**}; p = ,004$).

Легитимная агрессия во всех исследованных сферах-носителях, за исключением политической, представляет опасность, так как отношение к ней со стороны женщин взаимосвязано с их склонностью к вербальной и косвенной формам агрессии (см. табл. 1).

Для каждого пола обнаружена достоверная связь интегрального показателя легитимизированной агрессии и враждебного отношения. Наиболее враждебными могут быть мужчины и женщины, легитимизирующие большой объем агрессии в сферах воспитания и спорта (см. табл. 1).

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что разрабатываемый опросник «ЛА–44» может быть использован для изучения отношения субъекта к легитимной в культуре агрессии как фактора, влияющего на рост агрессивных форм поведения и взаимосвязанного с враждебностью.

Оценка ретестовой надежности шкал опросника подсчитывалась с помощью коэффициента корреляции r Пирсона на результатах 40 испытуемых (20 мужчин и 20 женщин), исследованных дважды с интервалом в три недели. Значения коэффициента r по каждой из шкал «ЛА–44» сви-

детельствуют о приемлемой устойчивости эмпирического распределения к перетестированию: «интегральная шкала» 0,81–0,85; «политика» 0,81–0,77; «личный опыт» 0,78–0,81; «СМИ» 0,75–0,80; «спорт» 0,83–0,80; «воспитание» 0,76–0,79.

Внутренняя согласованность шкал опросника была определена по коэффициенту α Кронбаха: «интегральная шкала» 0,69; «политика» 0,74; «СМИ» 0,78; «спорт» 0,79; «личный опыт» 0,72; «воспитание» 0,74. Полученные результаты свидетельствуют о надежности шкал опросника по внутренней согласованности и при перетестировании.

Проверка ортогональности факторов опросника подтвердила наши ожидания об отсутствии ортогональности (табл. 2).

Из результатов психометрического анализа следует, что разработанный вариант методики «ЛА–44» требует дальнейшего психометрического изучения (валидации, проверки факторной структуры при увеличении выборки), однако на основании проведенного анализа можно рекомендовать данную методику в качестве исследовательского инструмента. Опросник «ЛА – 44» может быть использован для изучения проблемы легитимизации агрессии: влияния легитимной в культуре агрессии на динамику агрессивных и насильственных форм поведения, в том числе делинквент-

Таблица 2

Корреляция между факторами опросника «ЛА–44»

	Интегральная шкала	Политика	Личный опыт	Воспитание	Спорт	СМИ
Интегральная шкала	—	,728*	,679**	,555**	,638**	,408**
Политика	,700**	—	,369**	,491**	,379**	,166*
Личный опыт	,662**	,339**	—	,275**	,306**	,299**
Воспитание	,638**	,432**	,382**	—	,333**	,195*
Спорт	,587**	,229**	,460**	,347**	—	,305**
СМИ	,379**	,101	,364**	,193**	,440**	—

Примечание. Верхняя правая часть таблицы – результаты на женской группе (150 чел.), левая нижняя часть таблицы – результаты на мужской группе (189 чел.). Был использован коэффициент корреляции r Пирсона.

«*» – вероятность ошибки не более 5 %; «**» – вероятность ошибки не более 1 %.

ных; анализа психологических особенностей, которые способствуют активному использованию легитимных в обществе форм насилия и агрессии; определению наиболее опасных сфер-носителей легитимной агрессии в конкретной группе и др. Кроме того, методика позволяет осуществлять косвенную форму диагностики

склонности к агрессивным формам поведения. Данная возможность представляет особую ценность в связи с существенным влиянием фактора социальной желательности при оценке социально порицаемых форм поведения, таких как агрессия, с помощью прямых вопросов из опросника-самоотчета.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения / Под общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990.
2. Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1.
3. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Пери // Психологический журнал. 2007 (в печати).
4. Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностического исследования. М., 1999.
5. Цибульский Н. П. Аprobация методики М. Хогбена «Легитимизация агрессии в культуре» и методики склонности к агрессивному поведению Басса-Перри. Дипломная работа. (ф-т психологии). М., 2002; // <http://aggressive-behavior.narod.ru>.
6. Шипунова Т. В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социологические исследования. 2002. № 5.
7. Baron L.&Straus M. A. (1988). Cultural and economic sources of homicide in the United States // The Sociological Quarterly. V. 29.
8. Dodge K. A., Coie J. D. (1987). Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // Journal of Personality and Social Psychology. V. 53/6.
9. Eron L. (1987). The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism // American Psychologist. V. 42/5.
10. Hu L.&Bentler P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. V. 6.
11. Huesmann L. R. (1986). Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer// Journal of Social Issues. V. 42.
12. Hogben M., Byrne D., Hamburger M. E.&Osland J. (2001). Legitimized aggression and sexual coercion: Individual differences in cultural spillover // Aggressive Behavior. V. 27.
13. Slaby R. G.&Guerra N. G. (1988). Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders: Assessment // Developmental Psychology. V. 24.
14. Sykes G.&Matza D. (1957). Techniques of neutralization: A theory of delinquency// American Sociological Review. V. 22.

Research on the Connection between Legitimization of Violence and Tendency towards Aggressive Behaviour

S. N. Yenikolopov,

Ph.D. in Psychology, head of the Department of Clinical Psychology, Centre for Mental Health, Russian Academy of Medical Sciences

N. P. Tsibulsky,

postgraduate student at the State University of Human Sciences

The article describes a research on the connection between people's attitude towards socially acceptable forms of violence, hostile attitudes and real aggressive behaviour. Among the subjects enrolled in the study were 339 law-abiding individuals and 92 delinquents. The study also includes psychometric analysis of a special technique developed for identifying one's attitude towards socially acceptable forms of violence.

Keywords: aggression, deviant behaviour, identifying aggressive behaviour, legitimization of violence.

References

1. *Veber M.* Osnovnye sociologicheskie ponyatiya // Izbrannye proizvedeniya: per. s nem. / sost., obsh. red. i poslesl. Yu. N. Davydova; predisl. P. P. Gaidenko. M., 1990.
2. *Enikolopov S. N.* (2001). Ponyatie agressii v sovremennoi psikhologii // *Prakticheskaya psikhologiya*. №1.
3. *Enikolopov S. N., Cibul'skii N. P.* Psihometricheskii analiz russkoyazychnoi versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri // *Psihologicheskii zhurnal*. M., 2007 (v pechati).
4. *Sobchik L. N.* Vvedenie v psikhologiyu individual'nosti. Teoriya i praktika psihodiagnosticheskogo issledovaniya. M., 1999.
5. *Cibul'skii N. P.* Aprobaciya metodiki M. Hogbena "Legitimizaciya agressii v kul'ture" i metodiki sklonnosti k agressivnomu povedeniyu Bassa-Perri. M., 2002 // <http://aggressive-behavior.narod.ru>.
6. *Shipunova T. V.* Agressiya i nasilie kak elementy sociokul'turnoi real'nosti // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2002. № 5.
7. *Baron L.&Straus M. A.* (1988). Cultural and economic sources of homicide in the United States // *The Sociological Quarterly*. V. 29.
8. *Dodge K. A., Coie J. D.* (1987). Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 53/6.
9. *Eron L.* (1987). The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism // *American Psychologist*, V. 42/5.
10. *Hu L.&Bentler P. M.* (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. V. 6.
11. *Huesmann L. R.* (1986). Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer // *Journal of Social Issues*. V. 42.
12. *Hogben M., Byrne D., Hamburger M. E.& Osland J.* (2001). Legitimized aggression and sexual coercion: Individual differences in cultural spillover // *Aggressive Behavior*. V. 27.
13. *Slaby R. G.&Guerra N. G.* (1988). Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders: Assessment // *Developmental Psychology*. V. 24.
14. *Sykes G.&Matza D.* (1957). Techniques of neutralization: A theory of delinquency // *American Sociological Review*. V. 22.